

УДК 9с(47.20)

Статья

ОЛОНЕЦКИЕ ПАШЕННЫЕ СОЛДАТЫ: К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ПОЛКОВ В 1649 г.¹

Брусницына Дарья Владимировна

Петрозаводский государственный университет, пр. Ленина 33,
185910, Петрозаводск, Россия;

младший научный сотрудник МНОЦ CARELiCA
Института Североевропейских исследований ПетрГУ,
преподаватель кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений
Института истории, политических и социальных наук ПетрГУ.

http://illmik.petrSU.ru/illmik/Brusnitsina_CV_ru.html

Аннотация. В фокусе статьи процесс формирования солдатских полков в Заонежских и Лопских погостах в 1649 г. Впервые в историографии подробно проанализирован царский наказ от 1 марта 1649 г. об «устройстве» местных крестьян и бобылей в солдаты и предпринята попытка ответить на несколько вопросов до сих пор неясных: из каких групп населения и по сколько человек со двора прибирали в солдаты; каков был статус остальных жителей погостов. Установлено, что записи в солдаты подлежали все черносотенные крестьяне, бобыли, захребетники и их родственники, годные к службе по возрасту и состоянию здоровья, уже в первый год организации военной службы в солдаты могли прибрать до четырех человек со двора. Выявлено, что первоначально правительство планировало сформировать из жителей Заонежских и Лопских погостов 2 полка по 3000 человек в каждом (по 15 рот). Определено, что первый подсчет крестьян, записанных в полки, и начало их обучения военным навыкам относятся к июню 1649 г.

Ключевые слова: Олонецкий уезд; XVII век; полки нового строя; пашенные солдаты

¹ Исследование выполняется в рамках проектной части государственного задания Минобрнауки России (ГБТ № 653-14), в ходе реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг. и при поддержке РГНФ (проект № 13-31-01225a2)

В 1649 г. на северо-западе России в Заонежских и Лопских погостах была проведена военная реформа: с целью укрепления обороноспособности приграничного региона и охраны русско-шведской границы черносотенные крестьяне и бобыли были записаны в так называемые пашенные солдаты. В новом — солдатском — статусе местные жители прожили восемнадцать, безусловно трудных для них, лет до отмены службы в 1666 г.

То, что отношение правительства к полкам олонецких пашенных солдат менялось на протяжении их существования, давно известно в историографии, но подробно не изучено. Главным изменением стало привлечение пашенных солдат к участию в боевых действиях русско-польской и русско-шведской войн (1654—1667, 1656—1658) несмотря на изначально данное обещание использовать их военную силу только для пограничной службы. Также происходили изменения в режиме обучения, выплате жалованья, порядке прибора на службу и отправки в действующую армию. Для того, чтобы в дальнейшем обратиться к более глубокому исследованию причин и последствий произошедших изменений, важно разобраться в первоначальных планах правительства. До недавнего времени организация солдатской службы в Заонежских и Лопских погостах в 1649 г. специально не изучалась и потому оставались неясными некоторые вопросы, в частности: о критерии разделения черносотенного населения региона на две категории — пашенных солдат и «охудалых» крестьян, о возрасте крестьян, признанных годными к несению солдатской службы, общем числе записанных в 1649 г. в солдаты местных жителей и числе прибиравшихся с каждого двора. В ранее опубликованных статьях мы проанализировали два аспекта мероприятий 1649 г.: 1) о распределении черносотенного населения на тех, кого взяли на службу, и тех, кто попал в категорию «охудалых» [11]; 2) о взаимоотношениях двух организаторов солдатской службы — воеводы Ф. Ф. Волконского и крестьянского «свюзчика» В. Д. Золотарева [10]. В первом случае установлено, что критерием разделения населения на две категории послужила не материальная обеспеченность, как предполагала Р. Б. Мюллер, а наличие или отсутствие во дворах мужчин, годных к военной службе. Во втором — выявлены сложившиеся конфликтные взаимоотношения между двумя должностными лицами, которые привели к промедлению с записью крестьян и бобылей в солдаты.

В настоящей статье мы проанализируем сведения источников по вопросу о возрасте крестьян и бобылей, признававшихся годными к несению солдатской службы, общем числе записанных в 1649 г. в солдаты местных жителей и количестве прибиравшихся с каждого двора. Большую часть изученных для раскрытия вопроса документов составляют акты (законодательные и приказного делопроизводства). Это царские указы и грамоты воеводам об «устройстве» солдатской службы и их отписки в Москву, а также челобитные жителей Заонежских и Лопских погостов и наказные памяти, выданные после рассмотрения жалоб или просьб.

Намерение правительства зачислить черносотенных крестьян Заонежских погостов в солдаты для охраны русско-шведской границы выявляется по документам с 1647 г., когда направленному сюда из Москвы В. Д. Золотареву для сбора с населения податей и недоимок, также было вменено в обязанность сообщить местным жителям о перспективе солдатской службы и принять от них сказки и челобитные с их мнением. Затем в 1648 г. на государя были отписаны земли новгородского митрополита Афонасия в Олонецком погосте с пояснением, что проживавшие там крестьяне будут «устроены» в драгунскую службу [1]. В феврале 1649 г. была составлена роспись 104 иноземных военных, направленных в Заонежские и Лопские погосты из Москвы для обучения населения солдатскому строю [3]. Уже тогда один из двух полковников — Александр Гамильтон — подавал челобитную с просьбой увеличить число

урядников, поясняя, что имеющимися обучить 3000 человек (15 рот) невозможно. Его просьба была отклонена. Однако нам становится известно, что число полков и численный состав как командиров, так и рядовых был известен уже тогда: планировалось сформировать два полка по 3000 солдат в каждом, подразделённых по 15 ротам. Важно помнить, что это время, в феврале 1649 г., в Заонежских и Лопских погостах запись крестьян и бобылей в солдаты ещё не была проведена.

Правовой основой для организации полков пашенных солдат послужил царский наказ от 1 марта 1649 г., который был дан Ф. Ф. Волконскому и С. П. Елагину, назначенным воеводами «на Олонец». Они прибыли к месту службы в конце марта, 24 и 31 числа соответственно. В дальнейшем, осуществляя мероприятия по формированию полков, воеводы действовали в соответствии именно с этим документом, однако до последнего времени в историографии ему не было уделено должного внимания. В РГАДА сохранился черновик наказа, он не опубликован и только дважды был упомянут в работах историков. Детально его содержание авторами не разбиралось.

Р. Б. Мюллер в отношении наказа ограничилась всего одной фразой, что в документе воеводам предписывалось «принимать соответствующие меры к устройству пашенных солдат» [16; 152]. А. В. Чернов написал, что наказ этот был о постройке г. Олонца и о записи в солдатскую службу крестьян, бобылей и их родственников во всех Заонежских и Лопских погостах. Историк отметил, что за крестьянами оставляли их земельные участки, а вместо жалованья за службу освобождали от податей, а также то, что каждый крестьянский двор должен был дать одного человека в солдаты [18; 144]. Несмотря на то, что для исследования истории олонецких полков пашенных солдат этот источник имеет первостепенную важность и именно в нём были даны первые распоряжения относительно «устройства» крестьян в солдатский строй, более никто из историков этот документ не анализировал.

Наказ содержит различные указания Волконскому и Елагину по их будущей деятельности в Заонежских и Лопских погостах: об «исправлении» ими воеводской должности, о постройке города Олонца и об «устройстве» солдатской службы [7; 14—41]. О последнем написано: «... а Заонежских и Лопских всех погостов крестьян и бобылей и их детей и братью и племянников и захребетников устроить в салдатскую службу, для того в прошлом во 155-м году били челом государю, царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси Заонежских погостов крестьяне, чтоб государь их пожаловал, велел быть в салдатской службе. И государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси их Заонежских погостов всех крестьян пожаловал в салдатскую службу устроить велел, а для того пожаловал государь данных и оброчных денег и всяких доходов впредь по вся годы иметь с них не велел вместо своего государского жалованья» [7; 14—15]¹.

На основании этого отрывка приходим к следующему заключению. Во-первых, подтверждаются слова Р. Б. Мюллер о том, что правительство стремилось представить введение солдатской службы на русско-шведской границе как инициативу местных крестьян. Во-вторых, несмотря на то, что крестьяне Лопских погостов не подавали челобитных с просьбой записать их в солдаты, службу распространили и на них. В-третьих, в наказе совершенно определённо написано, что «устроению» в солдаты подлежали все крестьяне и бобыли Заонежских и Лопских погостов, а также их дети, братья, племянники и захребетники (к этому вопросу мы специально обратимся ниже). В-четвёртых, в документе было велено с записав-

¹ В рукописи первоначально было написано «в солдатскую и в драгунскую службу», но потом по всему тексту указа слова «и в драгунскую» были вычеркнуты.

шихся в солдаты впредь «данных и оброчных денег и всяких доходов» не взимать, то есть солдаты освобождались от тягла.

Судя по тому, что в черновике наказа изначально было велено «устроить» крестьян не только в солдатскую, но и в драгунскую службу, такое намерение тоже было. Об этом же свидетельствует царский указ об отписке вотчины Новгородского митрополита Афония в Олонецком погосте на государя в 1648 г. [1]. В качестве обоснования данного мероприятия было сообщено о планируемом «устройстве» местных крестьян в драгунскую службу. В черновике наказа от 1 марта 1649 г. слова «и в драгунскую» везде по тексту были зачёркнуты. По-видимому, было решено начать с более лёгкого и доступного большому количеству крестьян обучения — солдатскому строю, и только потом из обученных солдат выбрать годных для обучения строю драгунскому. Важно отметить, в историографии существует мнение, высказанное А. Ю. Жуковым, что в отписанном на государя Олонецком погосте крестьян начали обучать военному делу уже в 1648 г. и создали из их числа драгунский полк [14; 111]. Автор ошибочно интерпретировал сведения указа об отписке Олонецкого погоста на государя в 1648 г. В действительности, слова о том, что местные крестьяне будут записаны в драгунскую службу, не означали, что запись будет проведена сразу же в 1648 г. Начало практическому воплощению реформы в жизнь положил наказ от 1 марта 1649 г. Фактически же к записи крестьян и бобылей (в том числе Олонецкого погоста) в полки и их обучению приступили только в июне 1649 г. Ранее того времени прибор крестьян на военную службу ни в одном из погостов будущего Олонецкого уезда не проводился, так как не были ещё составлены списки годных к несению службы, а большинство иноземных офицеров, назначенных для обучения местных жителей военному делу, прибыли только в мае.

Подчеркнём, что не на все вопросы можно получить ответы, анализируя наказ. В некоторых случаях получить нужные сведения можно только проводя сравнительное изучение всего массива актового материала, переписных книг и бюджетных смет Олонецкого уезда. При подготовке наказа правительство обошло вниманием два взаимосвязанных вопроса. Во-первых, несмотря на то, что в феврале 1649 г., как мы отметили выше, в Заонежских и Лопских погостах планировалось сформировать два полка общей численностью 6000 человек, в наказе от 1 марта было велено «устроить» в солдаты всех крестьян и бобылей и их родственников. Во-вторых, в наказе не был прописан возраст, при достижении которого крестьяне могли прибираться в солдаты, и не указан возраст, при достижении которого крестьяне освобождались от несения солдатской службы. Вероятно, в силу этих двух обстоятельств воеводы, следуя наказу, в течение 1649 г. внесли в списки солдат намного больше местных жителей, чем планировалось в начале года — 10 000 человек.

Следует отметить, что историки, указывавшие в своих трудах возраст годности к несению военной службы карельских крестьян, не сделали ссылки на источник информации. Р. Б. Мюллер отметила, что «все сколько-нибудь зажиточные крестьяне в возрасте от 20 до 50 лет были вписаны в солдатские списки» [16; 131]. Те же сведения о возрасте прибиравшихся в солдаты крестьян Заонежских погостов привёл А. В. Чернов [18; 144—145]. А. С. Рыжков отметил, что «к военной службе привлекалось всё мужское население региона в возрасте от 25-ти (с 1657 г. — от 15-ти) до 50-ти лет, за исключением самых бедных («охудалых») крестьян» [17; 270].

В изученных актовых материалах нам не встретились сведения, подтверждающие, что годными к солдатской службе считались мужчины в возрасте от 20-ти (25-ти) до 50-ти лет. Полагаем, что Р. Б. Мюллер и А. В. Чернов в вопросе о возрасте прибора заонежских крестьян в солдаты в 1649 г. могли провести параллель с содержанием наказа от 21 ноября 1649 г. Этот

документ опубликован и содержит информацию об условиях записи черносошных крестьян Сумерской и Старопольской волостей Старорусского уезда в солдаты. Условия эти схожи с теми, по которым несколькими месяцами ранее происходила запись в солдаты в Заонежских погостах, но в отличие от наказа от 1 марта 1649 г. в этом документе чётко прописаны и возраст солдат — от 20 до 50 лет и то, что в солдаты должны были взять с двора по человеку (из «семьянистых» дворов по два и по три человека) [4]. Ввиду того, что создание солдатских полков из черносошных крестьян как в Заонежских и Лопских погостах, так и в Сумерской и Старопольской волостях Старорусского уезда, проводилось в рамках единого мероприятия по укреплению обороноспособности северо-западной границы России, справедливо признать, что условия записи крестьян в солдаты должны были быть схожими. Не исключено также, что правительство учло опыт организации солдатской службы в Заонежских погостах и поэтому в изданном позже наказе о записи в солдаты крестьян Старорусского уезда оказались прописаны и возраст, и количество солдат, которых должны были прибрать с одного двора.

К написанному можно добавить, что согласно Положению о службе 1555/56 г. ратные люди начинали служить с 15-летнего возраста. В Соборном Уложении 1649 г. возрастная планка была повышена до 18 лет, что, по мнению учёных, подготовивших комментарии к Уложению, было связано с широким внедрением в практику огнестрельного оружия и тем, что для обучения навыкам обращения с таким оружием требовался более зрелый возраст. Данная норма уравнивала возраст прибора в помещную конницу с возрастом зачисления в полки «нового строя» [2; 167—168].

Полки пашенных солдат в Олонецком и Старорусском уезде формировались по образцам полков «нового строя» и обучались военному делу, в том числе стрельбе из мушкетов, иноземными офицерами, однако прибирали в солдаты, по крайней мере в Старорусском уезде, не с 18-ти, а с 20-ти лет. Как это можно объяснить? Вероятно, первоначально правительство полагало, что обучение крестьян, в большинстве своём незнакомых с военной службой, будет более результативным, если возраст прибора повысить до 20-ти лет.

В то же время в документах есть сведения о приборе в 1657 г. олонечских крестьян на солдатскую службу с 15-ти летнего возраста. Солдатский переписчик И. С. Дивов сообщил в Москву, что моложе 15 лет он в солдаты «не прибирал» [9; 85]. Однако несмотря на то, что Р. Б. Мюллер интерпретировала эти слова так, что именно «... Дивов расширил круг лиц, из которых комплектовались солдаты, включив в составленные им солдатские списки крестьян от 15-летнего возраста ...» [16; 135], полагаем, что этих сведений недостаточно, чтобы прийти к выводу, что Дивов первым стал записывать в солдаты с этого возраста. Такая практика могла применяться и в прежние годы. В любом случае, решение о понижении возрастной планки могло быть принято в период войн с Польшей и Швецией из-за большой потребности государства в солдатах. В 1649 г. — в мирное время — не было необходимости записывать на службу всех мужчин, начиная со столь юного возраста.

Важно отметить, что среди той части сохранившихся актовых материалов, в которых поднимался вопрос о приборе в солдаты или отставке из солдат и дело решалось в зависимости от физического состояния человека, указание конкретного возраста встречается только один раз. В остальных случаях в документах писали либо «мал», то есть ещё не годен к службе, либо «стар», то есть уже не годен к службе. Кроме того, встречаются указания на болезни и увечья, а также худобу или немощность.

Единственный выявленный нами случай, когда в документе был упомянут возраст, вызывает необходимость пересмотреть вопрос о верхней возрастной границе освобождения от

солдатской службы. В наказной памяти воеводы Чоглокова, подготовленной в ответ на челобитье солдата Шуйского погоста Сергушки Васильева сына Готушкова с просьбой перевести его в «охудалые» крестьяне, воевода среди прочих условий перевода указал на возраст: «... будет тот Сергушка семидесяти лет ...» [6]. Не исключено, что в наказной памяти содержится описка и возраст Сергушки был не семьдесят, а пятьдесят лет. С другой стороны, данное документальное свидетельство может означать также то, что в Олонецком уезде воеводы прибирали в солдаты всех годных к службе мужчин независимо от возраста, оценивая лишь их здоровье, поэтому верхней возрастной границей для солдатской службы могло быть не установлено вовсе и срок службы мог зависеть только от физического состояния солдата.

Тем не менее, если по аналогии с сумерскими и старопольскими крестьянами мы можем признать справедливым и в отношении заонежских и лопских крестьян и бобылей, что в 1649 г. их тоже прибирали на службу главным образом в таком возрасте, чтобы «с них служба сталася» — от 20-ти до 50-ти лет, то совершенно очевидно, что норма прибора в солдаты с одного двора по человеку в Заонежских и Лопских погостах не применялась. В данном случае Р. Б. Мюллер права, подчёркивая, что к солдатской службе нередко одновременно привлекалось несколько членов семьи — отец, сыновья, братья [16; 131]. Это подтверждается сведениями источников.

В конце июня 1649 г. воевода Волконский впервые сообщил в Москву о записи в солдаты крестьян Олонецкого погоста и Святозерской выставки Важенского погоста: «... а написали государь тех всех людей салдатскому ученью с Олонецкова погосту и с Святозерския волости з двора по человеку, итаво тысеца четыреста пять человек, да в тех же дворах тех солдатом семяенистых людей братьи и детей и племянников и зятьев семясот девятнатцать человек, и по твоему государеву указу привели их всех ко кресту и отдали имяна их и их всех налицо полковнику Александру Гамонту с товарищи и велели их учить салдатцкому ученью» [7; 281—282].

По тексту грамоты, посланной в Олонец, мы можем частично восстановить сведения отписки, не обнаруженной среди изученных документов, в которой содержались первые данные о численности местных жителей, записанных в солдаты по четырём погостам и одной волости: «... Рождественского Олонецкого, Оштинского, Остречинского, Важенского погостов и Святозерской волости написано в салдаты з двора по человеку и отдано в ученье июня по 26 число 2237 человек да их братьи и детей и племянников и зятьев 1157 человек. Обоего 3394 человека» [7; 326].

Из приведённых отрывков очевидно, что прибранных на службу солдатских родственников примерно в два раза меньше, чем дворохозяев записанных в солдаты. Таким образом, примерно с половины дворов взяли только по одному человеку, но с остальных по два или более. По словам воеводы Волконского, с дворов «семьянистых» крестьян могли взять по два, три или четыре человека.

Если для сравнения обратиться к записи в 1649 г. в солдаты крестьян Сумерской и Старопольской волостей, то О. А. Курбатов приводит об этом следующие данные: солдатское снаряжение прибыло в волостной центр на тысячу человек (на 10 рот) и всего семеро начальных людей из иноземцев, в то же время в этих волостях было 656 дворов, и несмотря на то что годных к службе в них оказалось 2092 человека, при норме службы один, максимум два человека со двора, полк не достигал тысячного состава. В итоге, по словам историка, было сформировано всего 5 рот по 160—180 человек в каждой [15; 167].

В Заонежских и Лопских погостах уже в феврале 1649 г. предполагалось, что в каждом из двух полков будет по 15 рот по 200 человек. Количество вооружения, посланного сюда из Москвы, также подтверждает такую численность полков: помимо прочего в Заонежские погосты было послано по шесть тысяч мушкетов, шпаг и бандалеров, которые должны были получить крестьяне, записанные в солдаты. Таким образом, у правительства было намерение прибрать и обучить «иноземному строю» не более шести тысяч человек в этом приграничном регионе. Тот факт, что среди иноземцев, отправленных для обучения крестьян военному делу, было всего два полковника, свидетельствует о планах распределить прибранных солдат по двум полкам. При изучении этого вопроса сразу становится очевидным малое количество «начальных людей» — всего 104 человека. В сравнении с обычным численным составом командного звена полков «нового строя» этого было явно недостаточно для полноценной деятельности воинских подразделений. Летом 1649 г. полковник А. Гамильтон подал челобитную в Олонце с просьбой, во-первых, увеличить число начальных людей у него в полку, во-вторых, разрешить перевести некоторых военнотружущих в более высочий чин. По его словам, урядников, посланных с ним из Москвы, хватало только на устройство восьми рот. Однако из центра ему велели, «чтоб он учил теми людьми, которые с ним посланы все 15 рот 3000 человек», а «из чину в чин не переводить» [7; 334—335]. Таким образом, в Заонежских и Лопских погостах были сформированы два полка, по своей численности значительно превосходящие принятую величину такого воинского подразделения: вместо полка в 1600 человек подразделённого на 10 рот по 160 солдат, в каждый из двух полков в Заонежских и Лопских погостах планировалось зачислить по 3000 человек, распределённых по 15 ротам. Причины такого решения, вероятно, заключаются, во-первых, в нехватке «начальных людей», способных обучить солдат иноземному строю, во-вторых, недостаточном объёме денежных средств, которые казна могла выделить на оплату их жалованья. Тем не менее, несмотря на недовольство полковников нехваткой начальных людей, находившихся у них в подчинении, число крестьян записанных в ряды солдат уже летом 1649 г. превысило первоначально установленное в 6000 человек. По неполным данным, собранным по части погостов, приведённым в работе Р. Б. Мюллер, в июле 1649 г. в солдаты было записано 7902 человека. По словам воеводы Волконского, он записал в солдаты в Заонежских и Лопских погостах в 1649 г. 10 000 человек [8; 4—5].

Таким образом, делаем важный вывод: воеводы, записывая годных к солдатской службе крестьян, ориентировались не на число в 6000 человек, а на царский наказ, повелевавший записать в солдаты всех крестьян и бобылей Заонежских и Лопских погостов. Тем не менее, возникает вопрос: откуда появилось это планируемое количество в 6000 солдат? Полагаем, что правительство основывало свои намерения на данных переписи 1646 г., по которой в Заонежских погостах числилось на черносошных землях 4674 двора, а на митрополичьих — 915 дворов крестьян и бобылей [19; 124]. Ввиду того, что в 1648 г. митрополичьи земли были отписаны на государя, всего в Заонежских погостах стало 5589 черносошных дворов, с которых можно было прибирать солдат. Очевидно, что это количество дворов и рассматривалось правительством как основа для набора солдат как минимум по человеку с каждого двора. Превышение количества в 6000 человек связано, вероятно, как с формулировкой царского наказа о записи в солдаты всех крестьян и бобылей, так и с деятельностью В. Д. Золотарева по возвращению «сошлых» крестьян, которые также «устраивались» в солдатскую службу.

Вероятно, правительство учло и число дворов Лопских погостов, однако мы не располагаем источниками, сколько дворов было в этой редко населённой местности. По данным М. М. Богословского, в 1649 г. в трёх Лопских погостах в солдаты записали с 351 двора 548 человек [12; 144]. Сведений по остальным четырём погостам на этот год нет.

По мнению Р. Б. Мюллер, несмотря на недовольство части крестьян, в 1649 г. солдатская служба была введена на всей территории Заонежских и Лопских погостов [16; 132]. А. Ю. Жуков полагает, что крестьяне Лопских погостов были записаны в солдаты только в начале 1650 г., основывая свой вывод на опубликованном наказе В. А. Чоглокову, назначенному в декабре 1649 г. воеводой в Олонец на место Волконского [13; 155].

Тем не менее, не подлежит сомнению, что во всех Заонежских погостах и на большей части территории Лопских погостов обучение крестьян солдатскому строю началось в 1649 г.: первая группа новоприборных солдат (3394 человек) была отдана в обучение «начальным людям» в конце июня [7; 326]. При этом очевидно, что с самого начала с некоторых дворов в солдаты записали по два, три или четыре человека, поэтому в июле 1649 г. численность пашенных солдат увеличилась до 7902, а к концу года — до 10 000 человек, значительно превысив запланированные 6000. При этом, несмотря на жалобы иноземных полковников на недостаточную численность урядников, все солдаты распределялись по двум полкам (А. Гамильтона и М. Кармихеля) до 1654 г., когда накануне русско-польской войны был создан третий полк Т. Крафферта и часть солдат перешла под его командование.

ИСТОЧНИКИ

Опубликованные:

1. 1648, апреля 30. — Грамота царя Алексея Михайловича Новгородскому митрополиту Авфонию об отписке на государя Олонецкого погоста // Мюллер Р. Б. Карелия в XVII в.: Сборник документов. Петрозаводск: Гос. изд-во КФСР, 48. № 41. С. 71—72.
2. 1649. — Соборное Уложение. Текст. Комментарии / Подготовка текста Л. И. Ивиной; Ред. колл. В. И. Буганов, М. П. Ирошников, А. Г. Маньков, В. М. Панеях; Комм. под рук. А. Г. Манькова. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1987. 448 с.
3. 1649, февраля 18. — Роспись иностранных офицеров и нижних чинов, назначенных для обучения людей в солдатских полках, расположенных в Заонежских погостах // ДАИ. Т. 3. 1848. № 49. С. 170—173.
4. 1649, ноября 21. — Наказ воеводе Иванису Кайсарову, об управлении Старорусского уезда Сумерской и Старопольской волостей крестьянами, назначенными к обращению в оседлые солдаты, роспись иноземных офицеров, посланных для обучения их воинскому артикулу, и крестоцеловальная запись на верность службы означенных солдат // ДАИ. Т. III. № 65. С. 231—239.
5. 1649, декабря 31. — Наказ олонцкому воеводе Василью Чоглокову об отправлении им воеводской должности // ДАИ. Т. III. № 67. С. 243—249.

Неопубликованные:

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ АРХИВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ИНСТИТУТА ИСТОРИИ РАН

ФОНД 98. ОЛОНЕЦКАЯ ВОЕВОДСКАЯ ИЗБА

6. Список с наказной памяти воеводы Василия Александровича Чоглокова по челобитной Шуйского погоста Сергушки о переводе его в охудалые крестьяне в случае, если подтвердится, что он стар, сын его Тимошка умер, а иных родственников нет и взять на службу некого // Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. Оп. 1. К. 3. Д. 16 (т). Сст. 10б

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ДРЕВНИХ АКТОВ

ФОНД 141. ПРИКАЗНЫЕ ДЕЛА СТАРЫХ ЛЕТ

7. 1649. — Дело о наборе из Заонежских погостов крестьян для салдатских драгунских полков Александра Гамента да Мартина Кармихела // Ф. 141. 1649. Д. 29. 368 л.
8. 1651. — Выписка о посылке во Псков околичного князь Федора Федоровича Волконского да дьяка Гарасима Дохтурова для сыску про воровской завод и мятеж во Пскове, також о службах и о учиненной им государю прибыли // 1651. Д. 111. 8 л.
9. 1657. — Дело о сыску олонецких беглых драгун и солдат, отписки и отпуски грамотам из приказу Тайных дел // 1657. Д. 1. 121 л.

ЛИТЕРАТУРА

10. Брусницына Д. В. Конфликт властных полномочий организаторов службы пашенных солдат в Карелии XVII века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. 2012. № 7 (128). Т. 2. С. 31—33.
11. Брусницына Д. В. Население Олонецкого уезда (1649—1666 гг.): пашенные солдаты и «охудалые крестьяне» // CARELiCA: Научный электронный журнал. 2014. № 2 (10). С. 31—41.
12. Богословский М. М. Земское самоуправление на Руском Севере в XVII в. Т. 1: Областное деление Поморья. Землевладение и общественный строй. Органы самоуправления. М.: Синодальная типография, 1909. 321 с.
13. Жуков А. Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. Великий Новгород: НовГУ им. Я. Мудрого, 2003. 256 с.
14. Жуков А. Ю. Олонецкие полки «нового строя» в 1662 г.: документы и материалы // Истоки Карелии: время, территория, народы. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2014. С. 91—187.
15. Курбатов О. А. Организация и боевые качества русской пехоты «нового строя» накануне и в ходе русско-шведской войны 1656—1658 гг. // Архив русской истории: сб. рос. гос. архива древних актов; отв. ред. С. С. Ермолаев; сост. А. В. Антонов. М.: Древлехранилище, 2007. Вып. 8. С. 157—195.
16. Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии XVI—XVII вв. Петрозаводск: Госиздат К.-Ф. ССР, 1947. 176 с.
17. Рыжков А. С. Опыт составления электронной базы данных по переписным книгам карельских пашенных солдат Ивана Дивова // Материалы XV Всероссийской научной конференции «Писцовые книги и другие массовые источники XVI – XX веков». К столетию со дня рождения П. А. Колесникова. М.: Древлехранилище, 2008. С. 269—274.
18. Чернов А. В. Вооружённые силы Русского государства в XVI—XVII вв. М.: Воениздат, 1954. 224 с.
19. Чернякова И. А. Население Олонецкого края в XVII веке (по писцовым и переписным книгам) // Вопросы истории Европейского Севера: Межвузовский сборник. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ им. О. В. Куусинена, 1988. С. 115—133..

Daria V. Brusnitsyna

Research Assistant, Interdisciplinary scientific-educational center CARELiCA,
Northern European Studies Institute of PetrSU,
Lecturer, Department of Foreign History, Political Science and International Relations
Institute of History, Political and Social Sciences

Olonets ploughmen soldiers: to the question about the regiments formation in 1649

Abstract. The focus of the article is on the process of forming soldier regiments in Zaonezhskie and Lopskie pogosts in 1649. For the first time in historiography the Tsar order dated March 1, 1649 is analyzed about enlisted local peasants to soldiers and attempt to answer several questions are still unclear: from what groups of the population and how many people from the yard was taken to the soldiers, what was the status of the remaining inhabitants. It is established that all peasants, bobili, zakhrebetniki and their relatives fit for service by age and health status were made to serve, already in the first year of the military service' organization they could take up to four people from the yard. It is revealed that initially the government planned to form of residents 2 regiments by 3000 people in each (by 15 companies). It is determined that the first count of the peasants, recorded in regiments, and the beginning of their learning military skills were in June, 1649

Key words: *Olonetskii uezd; the 17th century; regular regiments; ploughmen soldiers*